

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей
к семидесятилетию
академика Н. И. Конрада

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1967

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В последние годы в связи со славистическими съездами (в Москве в 1958 г. и в Софии в 1963 г.) получил популярность новый своеобразный жанр научных работ: ответы на вопросы научной анкеты¹. Жанр этот позволяет ученому кратко рассказать о своих научных убеждениях в той или иной области, не посвящая ей специального исследования.

В пределах этого жанра мне хотелось бы объяснить свою позицию как литературоведа в языковедческом споре о литературном языке древней Руси. Думаю, что представления литературоведа о литературном языке, выросшие на основе его занятий литературой, могут представить некоторый интерес и для языковедов.

Схематизируя, мы можем сказать, что в настоящее время существует несколько концепций литературного языка древней Руси. Согласно первой, традиционной концепции, ярче всего представленной в работах А. А. Шахматова, литературным языком древней Руси был церковнославянский, подвергавшийся воздействию живого русского народного языка. Сам А. А. Шахматов так сформулировал свой взгляд: «... это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье»².

Другая концепция, созданная в основном С. П. Обнорским (имевшим, впрочем, своих предшественников), стремится обосновать взгляд на литературный язык старшего периода как на исконно русский, подвергавшийся воздействию церковнославянского³. С. П. Обнорский подробно исследовал со своей точки зрения четыре памятника: краткую редакцию

¹ «Сборник ответов на вопросы по литературоведению» (IV Международный съезд славистов), М., 1958; «Сборник ответов на вопросы по языкознанию» (IV Международный съезд славистов), М., 1958; «Славянская филология», т. II, «Отговоры на вопросы за научната анкета по литературознание, литературно-лингвистички проблеми, народно поетическо творчество, общославистички историко-филологички проблеми», София, 1963.

² А. А. Шахматов, *Очерк современного русского литературного языка*, [изд. 1], Л., 1925, стр. 7; изд. 2, М.—Л., 1930, стр. 7; изд. 3, М., 1936, стр. 8.

³ С. П. Обнорский, *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, М.—Л., 1946. Концепция С. П. Обнорского развивалась им и ранее в статьях: «Русская Правда как памятник русского литературного языка» («Известия АН СССР», отделение общественных наук, 1934, № 10) и «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка» («Русский язык в школе», 1939, № 4).

Русской Правды, «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника» и «Слово о полку Игореве». Точка зрения С. П. Обнорского не исключала, впрочем, существования в древней Руси и другого литературного языка — церковнославянского.

Есть и еще один взгляд на литературный язык — Л. П. Якубинского, который предполагал, что первоначально литературным языком в X и первой половине XI в. был церковнославянский. В XI в. в связи с развитием городского быта на смену ему приходит живой русский деловой язык. Язык этот утверждается в письменности в XII в., и передовая роль в этом утверждении русского литературного языка принадлежит Новгороду⁴.

Точка зрения Л. П. Якубинского не привилась, как не привилась в общем и точка зрения С. П. Обнорского. Традиционный взгляд на литературный язык древней Руси становится за последние годы господствующим. Отчасти это объясняется тем, что концепция С. П. Обнорского, не совсем точно излагавшаяся, была воспринята не столько как научная, сколько как политическая. Естественной реакцией на нее было возвращение многих языковедов к традиционным взглядам.

Наибольшего внимания заслуживает в настоящее время точка зрения В. В. Виноградова, полнее всего изложенная им в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве⁵. В концепции В. В. Виноградова важны два положения: 1) литературный язык в древней Руси был один; 2) этот литературный язык был двух типов — книжно-славянского типа и народно-литературного типа. Развитие каждого из этих типов имеет свои особенности при наличии точек соприкосновения.

Как специалист по древнерусской литературе я не могу согласиться ни с одной из существующих точек зрения на литературный язык древней Руси. Концепции А. А. Шахматова и С. П. Обнорского, как и точка зрения Л. П. Якубинского, представляются мне модернизаторскими, не учитывающими особенностей древнерусской литературы сравнительно с литературой нового времени. Все эти три точки зрения предполагают, что единый литературный язык либо шел от церковнославянских форм к народным (А. А. Шахматов), либо от народных к церковнославянским (С. П. Обнорский), либо совершал, будучи единым целым, колебательные движения от церковнославянских форм к народным и обратно (Л. П. Якубинский). Иными словами, литературный язык развивался как единое целое и в каждую эпоху представлял некое характерное для нее соотношение книжно-церковнославянских и народных форм.

Мне ближе точка зрения В. В. Виноградова, предполагающая более или менее самостоятельное существование двух типов литературного языка. Однако в отличие от В. В. Виноградова я думаю, что было бы более правильным говорить не о двух типах литературного языка, а о двух литературных языках. Постараюсь объяснить, почему приходится говорить именно о двух языках.

Единый литературный язык предполагает существование единой же литературы. На самом деле литература древней Руси только условно может изучаться как нечто единое и синхронно развивающееся. Развитие древнерусской литературы совершается от множественности к единству. Единство литературы типично для нового времени. В древней же Руси литература обособляется и по жанрам, и по областям, и в известной мере по отдельным произведениям. Объединяет литературу каждого данного периода единое воздействие действительности, но то, что мы называем «внутренними законами развития», действует значительно слабее, чем в ли-

⁴ Л. П. Якубинский, *История древнерусского языка*, М., 1953.

⁵ В. В. Виноградов, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка* (IV Международный съезд славистов), М., 1958.

тературе нового времени. В древнерусской литературе одновременны и крайне архаические явления, и вполне новые, различаются областные литературы, в сильнейшей степени различаются жанры, церковная литература развивается медленно, литература светская — более быстро. Если говорить о «течении» литературы, то это «течение» не обладало единой акваторией. Это не река и не море. Это система озер и рек с различными водными режимами. Древнерусскую литературу можно было бы сравнить с типичной северной страной многочисленных озер, соединенных между собой и тихими протоками, и бурными каменистыми реками. В этом пейзаже находят себе место и бойкие торговые пути и места созерцательного отшельничества. От этого в древней Руси так много произведений, стоящих как будто бы обособленно и в жанровом отношении, и в отношении своего стиля. К таким «обособленным» произведениям я бы отнес «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, «Киево-печерский патерик», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника» и многое другое. Постепенно эта «обособленность» лучших произведений древнерусской литературы исчезает. В XVII в. «одинокими» памятников меньше, чем в XII в., но они все же есть: «Повесть о Горе Злочастии» и «Житие» протопопа Аввакума в известной мере «выпадают» из историко-литературного процесса, во многом опережая свое время. Конечно, «одиночество» многих лучших произведений древнерусской литературы не следует понимать буквально. Произведения эти «одинокими» по своему типу, по своим жанровым особенностям, они «опережают» свою эпоху только в известных отношениях, но они целиком оправдываются в своих реалиях, отдельных художественных средствах, идейном содержании своим временем и не могут быть перенесены ни в какую другую эпоху.

Если придерживаться той точки зрения, что в древней Руси существовал один и единый литературный язык, то мы должны выяснить: что же обуславливало собой единство литературного языка при слабости единства литературы?

На самом деле, как мне представляется, единого, объединяющего всю литературу, литературного языка в древней Руси не было.

Наиболее компактна по своему языку в литературе древней Руси группа сочинений богослужебных, богословских, проповеднических. В основной и наиболее «стилистически авторитетной» своей массе эта группа произведений состояла из переводов, сделанных в Болгарии или на Руси, на церковнославянский, по происхождению своему древнеболгарский язык. На этом литературно-церковном языке писались церковные произведения вплоть до XX в. Язык этот менялся, хотя и очень медленно, испытывая на себе воздействие живого народного русского языка в разных его видах. На этот язык воздействовал не только разговорный язык, но и письменный, развивавшийся рядом с церковнославянским, другой русский литературный язык — язык по преимуществу деловой и исторической прозы.

Этот русский в своей основе литературный язык не обладал такой законченностью и устойчивостью, как язык церковнославянский. Это был язык светских письменных памятников, стилистически менее «приподнятых». На нем написана большая часть летописей (новгородских, например), Русская Правда во всех ее видах, «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли», многочисленные исторические и бытовые повести и многое другое. Это был язык менее защищенный традицией, образцами и литературным этикетом от вторжений народного, разговорного языка, чем язык церковнославянский. Поэтому он был теснее связан с историей народного языка, интенсивнее развивался, меньше следовал определенным канонам (хотя, например, обращение автора «Задонщины» к «Слову о полку Иго-

реве» по стилю и языку, чем объясняются в языке «Задонщины» многочисленные архаизмы, свидетельствует и об обратном).

Единство этого русского в своей основе литературного языка ощущается гораздо меньше, чем единство и устойчивость церковнославянского языка. Это связано, конечно, в первую очередь с тем, что нет единства и устойчивости, традиционности и взаимосвязанности в основной массе той литературы, которую он обслуживал.

Употребление обоих литературных языков подчинялось тому, что условно можно назвать литературным этикетом⁶. Темы церковные, богословские, философские, церковно-нравоучительные требовали, с точки зрения древнерусского книжника, приподнятого церковнославянского языка. Темы исторические, юридические, бытовые, простейшие поучения и пр. не требовали литературной приподнятости и писались русским литературным языком.

Л. П. Якубинский приводит в своей книге выразительный пример смены языка Владимиром Мономахом (или записавшим его речи летописцем, что в данном случае безразлично). Деловое выступление Мономаха на Долобском съезде 1103 г. представляет образчик русской литературной речи. После победы над половцами Мономах произносит торжественную речь — на церковнославянском языке⁷.

Литературный этикет создавал тенденцию к дифференциации обоих литературных языков, которая шла против «течения» — против бессознательного стремления к интеграции, к поглощению литературных языков формами народного, однако церковнославянский язык подчинялся требованиям этикета в большей мере, чем русский литературный.

Судьбы обоих литературных языков древней Руси были совершенно различны. Они не только обладали различными стилистическими функциями, но и находились в различных условиях существования. Церковнославянский язык был общим языком для многих славянских стран, с которыми древняя Русь находилась в постоянном книжном общении.⁸ О нем нельзя говорить как о русском литературном языке или типе русского литературного языка. Можно говорить о русской рецепции церковнославянского языка, о рецепциях сербской, болгарской, румынской и рассматривать их изменения по векам. Однако надо при этом не упускать из виду, что церковнославянский язык как целое находился в постоянном внутреннем интенсивном взаимодействии и по вертикали и по горизонтали: воздействие языка памятников прошлых эпох постоянно сказывалось на языке памятников новых; произведения, написанные на церковнославянском языке в одной из славянских стран, перемещались в другие страны. И этот обмен произведениями был гораздо интенсивнее, чем обычно предполагается.

Отдельные особенно авторитетные произведения сохраняли свой язык по многу столетий. На них равнялись по языку и по форме произведения во всех восточно- и южнославянских странах. В этом своеобразии истории церковнославянского языка — традиционного, устойчивого, малоподвижного. Это был язык традиционного богослужения, традиционных церковных книг. Книги богослужебного и церковного характера первых веков славянской письменности были такими же образцами, как прориси и сколки в иконописании.

Русский литературный язык не имел таких образцов. Он был связан с живым, устным языком канцелярий, судебных учреждений, официаль-

⁶ Д. С. Лихачев, *Литературный этикет древней Руси*, — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР», т. XVII, М.—Л., 1961.

⁷ Л. П. Якубинский, *История древнерусского языка*, М., 1953, стр. 301.

⁸ См. подробнее: Н. И. Толстой, *Взаимоотношение типов древнеславянского литературного языка позднего периода*, — сб. «Славянское языкознание», М., 1963, стр. 230—272. См. также другие работы того же автора.

ной политической и общественной жизни. Деловой язык менялся вместе с этим официальным «койне». Представляет очень большой интерес вопрос: что было сильнее в этом русском литературном языке — традиция письменная или традиция устная, с которой он был связан?

По своим типам (в разных сферах употребления, в различных областях, в своих хронологических различиях) русский литературный язык был гораздо разнообразнее, чем церковнославянский, менее устойчив, менее замкнут. Он не имел той неподвижной базы «образцов», которой обладал язык церковнославянский. В нем не было стремления к «самоочищению» от чуждых форм. Он не в такой мере осознавался как явление стиля. Напротив, стили в русском литературном языке могли быть различными (достаточно сравнить язык первой новгородской летописи с языком Русской Правды, Галицко-волынской летописи — с языком «Моления Даниила Заточника»), но при всем разнообразии своих стилей по своей системе (грамматической, фонетической, лексической) это был все же один язык, отличный от языка церковнославянского.

Из изложенного ясно, что о церковнославянском языке нельзя говорить как о типе русского литературного языка: он не был только русским. Его положение такое же, каким было положение латинского языка в средневековой Западной Европе. Литературное двуязычие типично для средневековья. Оно требует художественным методом средневековых литератур и есть продукт особого литературного сознания средневековья. Древняя Русь, древние южнославянские и восточнославянские страны по типу своего литературного развития не представляли исключения из других стран Европы. Церковнославянский язык играл в них роль латинского языка. Значит, это не тип литературного языка, а особый литературный язык. Процессы развития этого языка при всех их различиях в отдельных восточно- и южнославянских странах были все же едины. Этот особый, «сакральный» язык развивался и изменялся не только отдельно в каждой стране, но и как единое целое. Литературный обмен между отдельными странами на этом языке был чрезвычайно интенсивен в течение всего средневековья.

Оба литературных языка древней Руси — русский и церковнославянский — находились в постоянном взаимодействии, гораздо большем, чем взаимодействие средневековой латыни и национальных языков. Литературный этикет требовал иногда быстрых переходов от одного языка к другому. Эти переходы совершались порой на самых коротких дистанциях: в пределах лексики одного предложения. Но взаимодействие литературных языков не было «равноправным». Церковнославянские формы и слова переходили в русский литературный язык «навсегда», получали здесь стилистические оттенки и смысловые нюансы. Церковнославянский язык постоянно обогащал русский литературный язык. Обратное воздействие было иным. Проникновения русского литературного языка в церковнославянский постоянно изгонялись из последнего.⁹

Средневековые книжники резко ощущали различие письменного языка и устного. Поэтому нельзя себе представлять письменный русский литературный язык как простую письменную фиксацию койне различных административных центров. Это была какая-то мало еще ясная для нас трансформация устного языка, — трансформация, в которой были какие-то свои правила и свой этикет. Тем не менее культура устной речи в письменном литературном русском языке явственно давала себя знать. В свое время я пытался вскрыть устные основы русского литературного языка XI—XII вв.⁹

⁹ Д. С. Лихачев, *Русский посольский обычай XI—XIII вв.*, — «Исторические записки», т. 18, М., 1946; Д. С. Лихачев, *Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве»*, — «Слово о полку Игореве», сб. исследований и статей, М.—Л., 1950.

Письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из своих разновидностей он трансформировал в письменность язык устной народной поэзии, обладавший особой стилистической функцией и владевший своими поэтическими формулами и поэтической лексикой. В этой своей разновидности русский литературный язык был, так же как и церковнославянский, поэтически приподнят над языком обыденным. Эта разновидность русского литературного языка не имела «сплошного» развития от XI до XVII в. включительно и давала себя знать то в Ипатьевской летописи, то в «Слове о погибели Русской земли», то в «Повести о разорении Рязани Батыем». Но больше всего она представлена в «Слове о полку Игореве», отразившись через него в «Задонщине». В XVII в. язык устной народной поэзии вошел в литературу через «Повести об Азове», «Повесть о Сухане», «Повесть о Горе Злочастии» и другие поэтические произведения демократической литературы.

Все изложенное обусловило собой крайнюю сложность развития языка литературы в древней Руси. Развитие это не укладывается ни в одну из существующих концепций. Создать новую концепцию, которая будет в большей мере отражать реальное положение, можно будет только тогда, когда языковедами будет принята во внимание сама литература, ее особенности, ее поэтика. Здесь, как и во многом другом, связанном с изучением языка и литературы древней Руси, необходимы совместные усилия лингвистов и литературоведов.